

МЕСТОИМЕНИЕ “ТАКОЙ” В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

(El pronombre “takoј” en el habla coloquial rusa)

Елизавета Костанди
Тартуский университет (Эстония)

Elizaveta Kostandi
Universidad de Tartu (Estonia)

ISSN: 1698-322X

Cuadernos de Rusística Española, 4 (2008), 59-68.

ABSTRACT

In the article is considered a fragment of the extensive investigation of the syntactic connections in their correlation with the pragmatics of language and speech, with the category of subject and, in particular, with the types of communicative registers. One part of the article is devoted to the generalization of some previous works of the author of the given article, which reflect these problems. The analysis of records of the oral speech demonstrates, that using continually pronoun такой is one of the means of forming the position of subject – observer, this pronoun is a signal of an addressee’s reference to some situation, which he / she has to present. In such use pronoun такой combines often with the extralinguistic means (gestures, mimicry, movements etc.), and this factor increases a role of the visual channel, proposing primordially presence of the direct observer. In this case a type of syntactic connection (coordination) is conducive to forming of the observer’s position and decorative register.

Key words: pragmatics, syntactic connections, communicative register, oral speech, pronoun.

РЕЗЮМЕ

Статья является частью более широкого исследования синтаксических связей в их соотносительности с прагматикой языка и речи, с категорией субъекта и, в частности, с типами коммуникативных регистров. Часть статьи посвящена обобщению ряда предыдущих работ автора, посвященных данной проблематике. Анализ записей разговорной речи показывает, что регулярно используемое в них местоимение “такой” является одним из средств моделирования позиции субъекта-наблюдателя, сигналом отсылки адресата к некоторой ситуации, которую он должен представить. В подобном употреблении местоимение “такой” регулярно сочетается с неязыковыми средствами (жесты, мимика, движения и др.), что увеличивает роль визуального канала передачи информации, изначально предполагающего наличие непосредственного наблюдателя. Тип синтаксической связи (согласование) при этом способствует моделированию позиции наблюдателя и изобразительного регистра.

Ключевые слова: прагматика, синтаксические связи, коммуникативный регистр, разговорная речь, местоимение.

Данная статья представляет собой фрагмент более широкого исследования синтаксических связей в их соотносительности с прагматикой языка и речи. Особенности употребления местоимения "такой" в разговорной речи помогают лучше увидеть и осмыслить эту соотносительность. Прежде всего остановимся на краткой общей характеристике коммуникативно-прагматических функций подчинительных синтаксических связей между словами, уделив большее внимание согласованию, посредством которого местоимение "такой" соединяется в словосочетании с главным словом.

В настоящее время нет необходимости доказывать, что способ, языковые средства представления информации в значительной степени отражают авторский взгляд либо точку зрения иного субъекта на ситуацию и соотносятся тем самым с прагматикой языка и речи. В ряде работ автора статьи (Костанди 1997; 1998; 1999а; 1999в; 2002; 2006; 2007) рассматривались типы синтаксической связи (подчинительная и сочинительная связь слов, предикативная связь, связи в сложном предложении и тексте) с точки зрения их взаимодействия с коммуникативно-прагматическими факторами. На то, что характер синтаксической связи может пересекаться с авторской позицией, оценочностью, модальностью и другими показателями, относящимися к прагматическому аспекту, конечно, исследователями давно обращалось внимание, например, при анализе связи между частями сложного предложения, при анализе типов связок или текстовой связности. Однако нельзя сказать, что разные типы, средства синтаксической связи системно проанализированы с точки зрения их прагматических функций. Современная лингвистика, детально исследующая языковые единицы, явления, с учетом представленности в них прагматического компонента, синтаксические связи порой незаслуженно обходит вниманием. В то же время общепризнанно, что любое соединение компонентов всегда в какой-то степени реализует субъективный взгляд, очевидно, относится это утверждение и к словосочетанию.

На материале художественных, официально-деловых, научных, рекламных и других текстов в указанных выше работах автором статьи анализировалась одна из основных прагматических функций подчинительной связи слов, заключающаяся в том, что, выбирая способ соотносительности компонентов, тип связи, соответствующие ему средства, говорящий подчеркивает различные аспекты: объектный, атрибутивный, обстоятельственный (ср.: родительская библиотека / библиотека родителей; зимний сад / сад зимой; чердачная лестница / лестница на чердак; полосатый материал / материал в полоску). Такое акцентирование во многом обусловлено коммуникативно-прагматической установкой. Другая прагматическая функция, пересекающаяся с первой, заключается в том, что разные типы связи способствуют формированию разных точек зрения, позиций субъекта, моделирующего языковую действительность. Прежде всего это позиции, соотносящиеся с двумя основными типами коммуникативных регистров – изобразительным (репродуктивным) и информативным (Золотова 1984; Золотова, Онипенко, Сидорова 1998): позиция непосредственного наблюдателя или участника событий, который видит, слышит, чувствует, и позиция отстраненного субъекта, который «знает» о событиях, сопоставляет их, обобщает. Согласование, при котором совпадают грамматические показатели (род, число, падеж) зависимого слова (признака) и главного (предмета), моделирует и совпадение, слияние признака с предметом, т. е. признак представлен прежде всего как «согласованный» с предметом. Субъект, наблюдая, непосредственно

воспринимая предмет, воспринимает и совпадающий с ним признак (темный лес, красное платье, высокое дерево), следовательно, этот признак может быть определен как наблюдаемый, эмпирический (Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 84), что в большей степени соответствует изобразительному регистру. Управление в большей степени моделирует «раздельное» существование компонентов: либо они так представлены в языковой действительности, либо разделены и во внеязыковой действительности, например, находятся на значительном расстоянии друг от друга (рассказывать о лете, позвонить другу, восхищаться фильмом). При этом часто субъект не может одновременно непосредственно воспринимать и предмет или действие, и их признаки или связанные с ними иные предметы. Для восприятия требуется отстраненная позиция. Примыкание, как правило, отражает связь факультативную и может одинаково легко соотноситься с разными позициями субъекта. Более очевидными отмеченные функции становятся при рассмотрении не отдельного словосочетания или предложения, а целого текста или его фрагмента, о чем речь пойдет ниже. Разумеется, соотносительность типа синтаксической связи с прагматическими факторами (акцентирование, точка зрения, позиция субъекта) не является однозначной, строго заданной, речь может идти лишь о тенденции, которая по-разному реализуется в конкретном контексте и коммуникативной ситуации.

В этой связи особый интерес вызывают атрибутивные словосочетания. Они детально описаны в исследовательской литературе (см., например, Прокопович 1966; Скобликова 2005) прежде всего со структурно-грамматической и семантической стороны, однако нередко затрагивались и вопросы выбора соответствующего контексту варианта (молочный кувшин / кувшин для молока; московский гость / гость из Москвы; дверная ручка / ручка двери), что уже относится к прагматике функционирования единиц. Этот выбор может быть обусловлен как индивидуально-авторской установкой, например, необходимостью акцентировать определенные компоненты семантики, оценкой, моделированием ситуации непосредственного или отстраненного восприятия, так и более общими факторами, например, стилистической маркированностью, предварительными знаниями носителей языка и т. д. Трудности при этом вызывают, в силу своей неоднозначности, и сами атрибутивные отношения. Анализируя функциональные свойства прилагательного, авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» отмечают, что «любой признак естественным образом связан с двумя типами субъектов: диктумным (носителем признака) и модусным (говорящим, наблюдающим, эмоционально переживающим, мыслящим, оценивающим), – не всегда совпадающими в одном лице» (Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 83). В атрибутивных словосочетаниях, в частности – в типе синтаксической связи, находят отражение разные проявления субъективности, анализировавшиеся ранее как автором настоящей статьи, так и другими исследователями. Отметим некоторые из этих проявлений, не рассматривая их сколько-нибудь подробно, так как это не входит в задачи настоящей статьи, однако необходимо для понимания особенностей функционирования местоимения “такой”.

Атрибутивные словосочетания регулярно образуются в результате соединения существительного с зависимым прилагательным, соотносительность которого с коммуникативными задачами очевидна (см., например, об этом Золотова, Онипенко, Сидорова: 80–100). Об обязательности/необязательности использования согласуемого прилагательного в зависимости от контекста, коммуникативных

задач, картины мира писала Е. М. Вольф (1979), о релевантности атрибута по отношению к коммуникативным задачам предложения и текста говорится, например, в (Селиверстова, Прозорова 1992). Анализ переводных текстов (в наших условиях это прежде всего эстонско-русские и русско-эстонские переводы) свидетельствует о том, что атрибутивные словосочетания – одно из «слабых» мест при переводе и здесь регулярно появляются ошибки прагматического характера. Так, например, распространенные в Эстонии эстонско-русские переводы рекламных текстов пестрят такими словосочетаниями, как концертный дом, любимые животные (имеются в виду домашние животные), обогреватель воздуха, дворовая метла, дворовая свеча, сумка для покупок (ср.: хозяйственная сумка), тонкая косынка, стеклоочистители автомобильные (имеются в виду автомобильные дворники), шторы для ванной, перчатки для работы (ср.: рабочие перчатки), вешалка из дерева (ср.: деревянная вешалка). Формально они образованы правильно, но часто являются прямым переводом с эстонского языка, при котором не учтены семантические оттенки, стилистическая маркированность слов, наличие устойчивых словосочетаний в русском языке для обозначения соответствующих реалий и ряд других факторов, не предусмотренных «формальными» правилами. При восприятии таких словосочетаний носитель русского языка сталкивается прежде всего с трудностями прагматического характера.

Таким образом, атрибутивные словосочетания соотносятся с разнообразными коммуникативно-прагматическими факторами, в частности, с отмеченными выше. Особенно важно для последующего анализа то, что такие словосочетания регулярно используются для моделирования двух основных отмеченных позиций субъекта. Обратимся к фрагментам текстов. Так, в художественных текстах разных авторов наибольшее число словосочетаний с согласованием появляется при моделировании ситуации с субъектом-наблюдателем (Костанди 1997; 1998; 2002), как, например, в следующих фрагментах:

(1) Он долго смотрел на большой портрет какого-то военного в густых эполетах, с выпуклыми глазами, с низким лбом, с поразительно великолепными бакенбардами и широчайшей грудью, сплошь украшенной орденами <...> Он взглянул на чету новобрачных – молодой человек в длинном сюртуке и белом галстуке, стриженный ежиком, вытянувшийся во фронт под руку с девицей в подвенечном газе, – перевел глаза на портрет какой-то хорошенькой и задорной барышни в студенческом картузе набекрень <...>

Он снял китель и взглянул на себя в зеркало: лицо его, – обычное офицерское лицо, серое от загара, с белесыми выгоревшими от солнца усами и голубоватой белизной глаз, от загара казавшихся еще блее, – имело теперь возбужденное, сумасшедшее выражение, а в белой тонкой рубашке со стоячим крахмальным воротничком было что-то юное и глубоко несчастное (И. Бунин, Солнечный удар).

(2) Гремели черные поезда, потрясая окна дома; волнующие горы дыма движеньем призрачных плеч, сбрасывающих ношу, поднимались с размаху, скрывая ночное засиневшее небо; гладким металлическим пожаром горели крыши под луной; гулка черная тень пробуждалась под железным мостом, когда по нему гремел черный поезд, продольно сквозя частоколом света. Рокочущий гул, широкий дым проходили, казалось, насквозь через дом, дрожавший между бездной, где поблескивали,

проведенные лунным ногтем, рельсы, и той городской улицей, которую низко переступал плоский мост, ожидающий снова очередного грома вагонов. Дом был как призрак, сквозь который можно просунуть руку, пошевелить пальцами.

Стоя у окна в камере танцоров, Ганин поглядел на улицу: смутно блеснул асфальт, черные люди, приплюснутые сверху, шагали туда и сюда, теряясь в тенях и снова мелькая в косом отсвете витрин. В супротивном доме, за одним незавешенным окном, в светлом янтарном провале виднелись стеклянные искры, золоченые рамы. Потом черная нарядная тень задернула шторы.

Ганин обернулся. Колин протягивал ему рюмку, в которой дрожала водка (В. Набоков, Машенька).

Для текстов иной функциональной направленности, моделирующих позицию максимально отстраненного и обобщенного субъекта, напротив, характерно доминирование управления, которое часто используется и в тех случаях, когда в других коммуникативных условиях, в других типах текстов для передачи того же общего значения могли бы использоваться другие типы связи, ср. (в скобках даны возможные варианты):

(3) права и свободы граждан (ср.: гражданские права и свободы); интересы Союза ССР (ср.: союзные интересы); территория Эстонской ССР (ср.: эстонская территория); представители государств (ср.: государственные представители) (Уголовный кодекс Эстонской ССР).

Такое построение словосочетаний означает, конечно, не только использование конкретного типа связи (управление), но и изменение средств связи (падеж) и преобладание сочетаний определенных частей речи (глагольно-субстантивные и субстантивно-субстантивные словосочетания), что в целом ведет к акцентированию объектных отношений.

Авторские приоритеты, акценты проявляются и в обратных случаях, когда вместо более нейтрального, типичного для соответствующего контекста используется иной тип связи (Костанди 1998), например:

(4) – Вы были женаты? – Ну да, вот же я щелкаю ... На этой ... Вареньке, Манечке ... нет, Вареньке ... еще платье полосатое (ср. платье в полоску)... музей ... впрочем, я не помню (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Разумеется, важно, что самый типичный случай согласования – соединение существительного с прилагательным, можно предположить, что отмеченные выше характеристики – результат использования прилагательного. Но вне связи с существительным прилагательное такого эффекта присутствия наблюдателя не создает (ср.: высокий, зеленый, старый). Нельзя не согласиться с Е. М. Вольф (1978), которая характеризовала прилагательное как само по себе не имеющее денотации и соотносящееся с денотатом только через посредство определяемого им существительного, то есть в согласовании с существительным.

Таким образом, тип синтаксической связи, структура словосочетания, частеречная отнесенность компонентов словосочетания – все это в разных контекстах соотносится с множеством коммуникативно-прагматических факторов, в частности – с моделируемой позицией субъекта – автора, адресата, персонажа. В этой связи привлекает внимание использование подобных словосочетаний и их «заместителей» в разговорной речи.

Исследователями неоднократно отмечалось, что в русской разговорной речи прилагательные используются примерно в два раза реже, чем в письменной, местоимения же, напротив, используются в устной речи чаще (Русская разговорная речь 1983; Сиротинина 1983). Эти особенности объясняются функциональной спецификой разговорной речи – ее многоканальностью, непосредственным присутствием участников коммуникации, значимостью условий коммуникации и иных экстралингвистических факторов. Значима, разумеется, не только частотность употребления частей речи, важны и значения лексем, их функции. Далеко не все частные случаи полностью описаны, что относится и к некоторым функциональным особенностям использования местоимения “такой”, на рассмотрении которых остановимся далее.

Определяя разные значения местоимения “такой” в современном русском языке, исследователи, при некоторых различиях в формулировках, выделяют следующие: «1. Употребляется как отвлеченное обозначение качества, свойства, называемого, указываемого в предшествующей или последующей речи или устанавливаемого из каких-л. обстоятельств, ситуации ... 2. При прилагательных и существительных, обозначающих свойство, состояние, оценку и т. п., употребляется для выражения сильной степени называемого свойства, состояния или для усиления оценки ... 3. Разг. В сочетании с местоимениями «кто», «что», «какой» употребляется для подчеркивания и выделения их, внося значение: именно ... 4. Нечто, привлекающее внимание: значительное, необычное, страшное, смешное и т. п. ...» (Словарь русского языка 1988: 334). Результаты поиска в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorgo.ru) свидетельствуют, что все отмеченные значения, особенно первые два, широко представлены в современном русском языке. Поисковая система дает тысячи примеров на все значения, приведем лишь по одному на каждое в очередности, данной в словарном определении (орфография, пунктуация, указания на источник сохранены в том виде, в котором они представлены в корпусе):

(5) В том случае, когда международная заявка на изобретение подана до даты вступления в силу действующего Патентного закона Российской Федерации (далее – Закон), а перевод ее в Российской Федерации на национальную фазу осуществлен в условиях действующего Закона, при проведении экспертизы по существу в отношении такой заявки применяются условия патентоспособности, предусмотренные действующим в настоящее время Законом. [О рассмотрении международных и выделенных заявок на выдачу патента на изобретение (2003)]

(6) Иными словами, бизнесменам не особенно интересно, что происходит в государстве, и, как часто повторяет Георгий Сатаров, отечественный бизнес вырос в такой «кислотной» среде, что ему попросту все равно, с кем и как конкурировать. [Марат Хайруллин. Страшно далеки они от народа // «Московский комсомолец», 2003.01.10]

(7) Самым большим курьезом представительного совещания стало то, что спецслужбы так и не смогли понять, с чем они собираются бороться, так как не смогли прийти к единому мнению по поводу того, что такое «терроризм». [Елена Роткевич. Николай Патрушев: «Операцию в Чечне ФСБ закончит в течение года» // «Известия», 2002.03.26]

(8) Без бумажки Буш несет такое, что во всем мире издают сборники его перлов. [Александр Минкин. Куда пошлют? // «Московский комсомолец», 2003.01.14]

Данные значения присутствуют и в разговорной речи, однако в ней местоимение “такой” обладает спецификой, отмеченной исследователями еще в начальный период активного изучения русской разговорной речи. Описывая наиболее характерные для разговорной речи функции местоимения “такой”, авторы «Русской разговорной речи» (1983) отмечают, что оно регулярно используется в функции актуализатора (пример 9) и (пример 10) «в роли эмоционального определения, означающего высшую степень положительного (или отрицательного) качества» (Русская разговорная речь 1983: 164):

(9) У нас ведь есть такой / небольшой чемоданчик //

(10) За нами такая очередь! Такие там ребята интересные!

Отмечается авторами «еще одна “чисто разговорная” функция местоимения такой – употребление местоимения вполне десемантизированного, опустошенного» (Русская разговорная речь 1983: 165), например:

(11) Если говорить о такой фрагментарности в таких исторических исследованиях...//

Описывая присущее местоимениям не контекстуальное, а ситуативное значение в разговорной речи, О. Б. Сиротинина отмечает, что «особенно это (ситуативное значение – Е. К.) характерно для местоимения такой» (Сиротинина, 1983: 34). Опора на ситуацию не обязательно является отсылкой к коммуникативной ситуации, может иметься в виду жизненный опыт собеседников, их представления о том, как что-либо может происходить в тех или иных условиях, надежда на понимание, догадку и т. д., как в следующем, приведенном в указанной работе примере:

(12) Я купила платье, ну понимаешь, такое... – Каждодневное? – Да.

Наконец, еще одно из зафиксированных в разговорной речи употреблений местоимения “такой” – обозначение положительных качеств (Сиротинина 1983: 34):

(13) Он такой человек!

(14) А запах такой идет!

Итак, специфика местоимения “такой” в разговорной речи давно привлекала внимание исследователей, однако считать ее полностью выявленной нельзя. Настоящая статья также не претендует на полное описание, хотелось бы лишь уточнить некоторые моменты, связанные с общей характеристикой прагматического аспекта подчинительных связей слов (в данном случае – согласования), которую сопоставление устной и письменной речи помогает прояснить.

Как показывают наблюдения над записями современной разговорной речи, сделанными студентами и сотрудниками кафедры русского языка Тартуского университета, в них регулярно используется местоимение “такой”. Часто оно выполняет еще одну функцию, не совпадающую полностью ни с одной из отмеченных выше и практически не представленную в Национальном корпусе русского языка. Приведем примеры, в которых эта функция проявляется:

(15) А. Он так вскочил! Убежал // больше чтобы я его даже не видела//
Б. Давай / рассказывай дальше // мне так интересно!
А. Ну вот / он убежал такой / я выхожу такая / ну взяла / дверь заперла /
выхожу / захожу / спускаюсь на первый этаж / а Ленка меня из-за угла / решила
шугануть

(17) Она мне отдала варенье / ну все нормально как бы // куртку я такая взяла
с пола / повесила на перила в подъезде / больше не это // ну она так и висит

(18) Ну так / она с удовольствием сама покажет / она такая гордая теперь /
такая / «Ни у кого нет / а у меня есть Ма-кин-тош»

(19) А я такая говорю / что я такое пальто хочу / они такие / типа ладно //
вот тебе на день рождения

(20) Потому что я накрутилась / вышла на улицу / а там / короче / мокрый
снег / я такая / А-а-а! / зачем я накрутилась / сейчас все равно буду такая мокрая
вообще.

В примерах 15–20 местоимение “такой” выполняет разные функции, нас интересует наиболее регулярная (убежал такой; выхожу такая; я такая взяла; такая «Ни у кого нет ...»; я такая говорю; они такие / типа ладно; я такая / А-а-а!). Синтаксическая позиция местоимения в этих случаях не всегда однозначно устанавливается, однако согласование присутствует во всех случаях. Говоря о понимании участниками разговора этих местоимений, следует отметить, что ни в контексте, ни в коммуникативной ситуации нет прямого указания на то, как понимать их семантику (Какие – “такая, такой, такие”?). Здесь, как представляется, можно вернуться к понятиям коммуникативного регистра, позиции, точки зрения. В условиях разговорной речи позиция непосредственного наблюдателя (изобразительный регистр) изначально задана. То, что в письменной речи имеет текстовое воплощение, в устной часто присутствует в коммуникативных условиях. В приведенных выше примерах говорящий представляет, «рисует», не обязательно языковыми средствами, некоторую картину, ситуацию, которую адресат должен как бы увидеть и, исходя из этого, понять, что значит “такой, такая, такие”. Обычно при этом наблюдается взаимодействие языковых и неязыковых средств: речь сопровождается соответствующими жестами, мимикой, движениями, взглядами, интонацией, разного рода неязыковыми звуками, т. е. дополняется средствами, которые надо действительно видеть (некоторые слышать). Тем самым адресату, можно сказать, предопределена роль наблюдателя, в первую очередь визуально воспринимающего ситуацию и, часто с опорой на собственный жизненный опыт, ее дополняющего. Употреблением местоимения “такой” эта роль актуализируется. При этом обычно не возникает никаких трудностей с пониманием высказывания. Конкретная семантика местоимения и не очень важна, надо «увидеть» ситуацию и представить, каким в ней может быть человек или кто-либо/что-либо иное, «увидеть» некоторый целостный образ, а не отдельные характеристики. Такое описательно представленное, развернутое в картину значение в большинстве случаев относилось именно к человеку, иногда к животным и крайне редко к неодушевленным предметам. Следовательно, попасть в описываемую ситуацию

может прежде всего человек, в том числе и адресат, а значит, он может себе ее представить не только как наблюдатель со стороны, но и как непосредственный участник.

Как было отмечено выше, для письменных текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка, подобное употребление местоимения "такой" не характерно, в записях разговорной речи, напротив, высокочастотно. Думается, что примеры 15–20 можно сопоставить с примерами из письменных текстов, подобных приведенным выше (примеры 1, 2). Как в письменных текстах, так и в устной речи представлены в чем-то схожие ситуации: имеется субъект-наблюдатель, наблюдаемая ситуация в первом случае моделируется исключительно языковыми средствами, в частности – множеством атрибутивных словосочетаний с согласованием. В устной речи таким наблюдателем является в первую очередь адресат, непосредственное наличие которого в коммуникативном акте позволяет не моделировать восприятие, оно уже изначально задано. Местоимение "такой" актуализирует эту потенциальную роль. Многочисленные в письменном тексте словосочетания с согласуемыми прилагательными, причастиями, местоимениями, порядковыми числительными в устной речи заменяются часто единственным местоимением "такой". Тип синтаксической связи (согласование) сохраняется, и в разговорной речи он так же, как и в письменной, оказывается связанным с позицией воспринимающего субъекта-наблюдателя.

Соотнесенность согласованного местоимения "такой" с эффектом присутствия подтверждается и результатами мини-эксперимента. Студенты-русисты при ответах на задаваемый им вопрос о значении местоимения "такой" в разговорной речи в ситуациях, подобных приведенным в примерах 15–20, начинали активно использовать неязыковые средства: жесты, мимику, взгляд, телодвижения, тем самым «предлагая» адресату ситуацию наблюдателя. Интересно отметить, что все понимали общее значение местоимения в конкретной ситуации, однако точного определения дать не могли. Наблюдения над материалом, сопоставление современных и более ранних записей русской разговорной речи позволяют предположить, что рассматриваемая особенность местоимения "такой" стала регулярной в употреблении сравнительно недавно и характерна именно для современной речи, однако это предположение нуждается в дополнительной проверке.

Таким образом, в разных коммуникативных условиях подчинительная синтаксическая связь слов пересекается с категорией субъекта, с прагматикой речи. Эта соотнесенность, как уже отмечалось выше, не подчиняется строгим правилам, речь может идти лишь о тенденции. Разумеется, необходимо еще раз подчеркнуть, что синтаксическая связь является лишь одним из средств формирования коммуникативно-прагматической направленности, которое всегда взаимодействует с рядом других языковых и экстралингвистических средств. Употребление в разговорной речи словосочетаний с местоимением "такой" демонстрирует частное проявление общей тенденции.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВОЛЬФ, Е. М. (1978): *Грамматика и семантика прилагательного. На материале иберо-романских языков*. Наука, Москва.

- ВОЛЬФ, Е. М. (1979): “Прилагательное в тексте”. В кн.: *Лингвистика и поэтика*. Наука, Москва, с. 118–135.
- ЗОЛОТОВА, Г. А. (1984): “К вопросу о конститутивных единицах текста”. В кн.: *Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Виноградовские чтения XII–XIII*. Наука, Москва, с. 162–173.
- ЗОЛОТОВА, Г. А., ОНИПЕНКО, Н. К., СИДОРОВА, М. Ю. (1998): *Коммуникативная грамматика русского языка*. Наука, Москва.
- КОСТАНДИ, Е. (1997): “Синтаксическая связь как средство реализации коммуникативно-прагматической установки”, *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия, I*. Тарту, с. 94–104.
- КОСТАНДИ, Е. (1998): “Тип связи как способ реализации коммуникативно-прагматической установки”. В кн.: *Ivairiu tipu tekstu / diskursu (kalba, literatura, didaktika)*, Kaunas, с. 79–86.
- КОСТАНДИ, Е. (1999а): “Коммуникативно-прагматическая направленность сочинительной связи (на материале художественного текста)”, *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия II. Прагматический аспект исследования языка*. Тарту, с. 90–97.
- КОСТАНДИ, Е. (1999б): “Некоторые особенности текстовой функции сказуемого”, *Sign Systems Studies, Труды по знаковым системам*. 27, Tartu, с. 292–303.
- КОСТАНДИ, Е. (2002): “Контекстуальная прагматизированность синтаксических связей”, *Acta universitatis scientiarum socialium et artis educandi Tallinnensis. Humaniora. A 21. Семантические проблемы русского языка*. Tallinn, с. 45–58.
- КОСТАНДИ, Е. (2006): “К вопросу о взаимодействии текстовых связей”, *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX*, Тарту, 140–153.
- КОСТАНДИ, Е. (2007): “Текстовая функция сказуемого”, В кн.: *Современные тенденции теории и практики русистики. Šiuolaikinės rusistikos teorijos ir praktikos tendencijos*. Klaipėdos universiteto leidykla, Клайпеда, с. 89–96.
- ПРОКОПОВИЧ, Н. Н. (1966): *Словосочетание в современном русском литературном языке*. Просвещение, Москва.
- РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ (1983): *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*. Наука, Москва.
- СЕЛИВЕРСТОВА, О. Н., ПРОЗОРОВА, Л. А. (1992): *Коммуникативная перспектива высказывания. В кн.: Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность*. Наука, СПб, с. 189–213.
- СИРОТИНИНА, О. Б. (1983): *Русская разговорная речь*. Просвещение, Москва.
- СКОБЛИКОВА, Е. С. (2005): *Согласование и управление в русском языке*. URSS, Москва.
- СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА (1988): *Словарь русского языка. Т. IV*. Гл. ред. А. П. Евгеньева. Русский язык, Москва.